

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАУЧНЫЙ ФОНД

Дефиниции культуры

Выпуск IX

Издательство Томского университета
2011

ПУШКИН КАК ПОСТМОДЕРНИСТ

Э.В. Бурмакин

О Пушкине как постмодернисте или его предшественнике, пропостмодернисте, считают современные исследователи, писал А. Терц (А. Синяевский) в книге «Прогулки с Пушкиным». Об этом говорит литературовед П. Спиваковский в статье «Постмодернистский миф о Пушкине» с подзаголовком «Версия Синяевского»¹. Автор ссылается на работу И.С. Скоропановой «Русская постмодернистская литература»², где не только подтверждается эта мысль, но и утверждается, что Терц-Синяевский сам создал постмодернистскую книгу.

Некоторые аксиологические тенденции, сближающие творчество Пушкина с постмодернистскими мотивами, считает П. Спиваковский, обнаруживаются у Ю. Лотмана в его спецкурсе о романе «Евгений Онегин», кстати заметить, изданный в том же, 1975, году, что и книга А. Терца.

Конечно, ни А. Терц, ни Ю. Лотман понятие «постмодернизм» не употребляют, оно в те годы ещё не вошло в научный обиход, хотя само понятие уже существовало, так как появилось в годы Первой мировой войны в работе Р. Панивица «Кризис европейской культуры», изданной в 1917 г. Разочарование в ценностях своих предшественников, веривших в возможности человеческого разума и воли, в торжество прогресса, изначально стало ведущим настроением постмодернизма.

Каким же образом Пушкин мог стать предшественником постмодернизма? С этой целью придётся обратиться к работе А. Терца (А. Синяевского) «Прогулки с Пушкиным», которая, кажется, вновь обретает своих поклонников, хотя бы уже потому, что всякий, заговоривший о Пушкине, не может остаться в пределах только литературных вопросов

¹ *Спиваковский П.* Постмодернистский миф о Пушкине. Версия Синяевского // Новый мир. 2010. № 5.

² *Скоропанова И.Е.* Русская постмодернистская литература: Учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2001.

и проблем, он непременно выйдет на значительно более широкое пространство национальной культуры.

Несмотря на то, что статья П. Спиваковского называет постмодернистскую версию творчества Пушкина мифом, автор даёт очень высокую оценку книге А. Терца.

Поначалу автор справедливо замечает, как по-разному была встречена книга в обществе. С одной стороны, Терца-Синявского обвиняли в хулиганстве, в русофобии, в намерении взорвать устоявшиеся представления о Пушкине, его величии и значении. Вместе с тем в либеральных кругах эта книга (правда, не сразу, а лишь тогда, когда прошёл первый шок от её необычной концепции) была принята с восторгом, нередко даже с упоением. Как замечала позже М.В. Розанова, жена А.Д. Синявского, «русское издание книги шло, как горячие пирожки, выдержав несколько тиражей»¹. Конечно, в немалой степени популярности сочинения Терца-Синявского служило то обстоятельство, что книга писалась, когда её автор отбывал наказание, находясь в Дубровлаге.

Как же оценивает эту книгу современный литературовед П. Спиваковский? Он называет её «удивительно талантливой» книгой, считает, что этот постмодернистский манифест оказался действенным и судьбоносным. Автор названной статьи пишет, что Синявский «практически синхронно с французскими постструктуралистами и совершенно независимо от них создал ярчайший и талантливейший постмодернистский манифест. В сущности Синявский совершил в этой книге нечто подобное тому, что ранее совершил в своих работах Фридрих Ницше, который «додумал до логического конца» возникшие в эпоху Ренессанса гуманистическо-антропоцентрические идеи Нового времени»². Автор настаивает на этой мысли: «Подобно Ницше, Синявский, сам того не подозревая, «жертвует собой», для того чтобы заглянуть в аксиологические тупики современной цивилизационной парадигмы»³. Здесь справедливо только то, что Синявский действительно выходит на проблемы современной цивилизации, это неизбежно, если речь заходит о Пушкине. Понимает это и автор статьи, который замечает: «...обращаясь к, казалось бы, довольно-таки частной проблеме (творческой индивидуальности Пушкина), Синявский чутко откликается на важнейшие культурно-аксиологические интенции европейской цивилизации»⁴.

¹ Спиваковский П. Указ. раб.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Ещё раз заметим, что это не является абсолютной заслугой А. Терца, виной и причиной неизбежному выходу любого исследователя на коренные проблемы жизни человечества оказывается Пушкин, раз вы обращаетесь к нему.

П. Спиваковский считает книгу Терца-Синявского «интеллектуально честной», «в высшей степени полезной», наконец, он присоединяется к мнению С. Бочарова, увидевшего в книге Терца-Синявского «апологию и дифирамб» в честь Пушкина¹.

Действительно, в книге Терца-Синявского раздаются и дифирамбы, вполне традиционные, не включающие в себе нечто новое, неожиданное. Новое в другом. Вот как уже на первой странице определяет А. Терц это новое: «Позволительно спросить, усомниться (и многие усомнились): да так ли уж велик наш Пушкин и чем, в самом деле, он знаменит за вычетом десятка-другого ловко скроенных пьес, про которые ничего не скажешь, кроме того, что они ловко сшиты?»². Для ниспровержения Пушкина с высоты его величия необходимо выбрать и наиболее удобную позицию. А. Терц определяет её: «И, быть может, постичь Пушкина нам проще не с парадного входа, заставленного венками и бюстами с выражением неуступчивого благородства на челе, а с помощью анекдотических шаржей, возвращённых поэту улицей словно бы в ответ и в отместку на его громкую славу»³. Вот саморазоблачающее признание! Что же остаётся от Пушкина при таком подходе? «Останутся всё те же неистребимые бакенбарды (от них ему уже никогда не отделаться), тросточка, шляпа, развевающиеся фалды, общительность, легкомыслие, способность попадать в переплёты и не лезть за словом в карман, парировать направо-налево с проворством фокусника – в чистом, по-киношному мелькании бакенбард, тросточки, фрака... Останутся вертлявость и какая-то всепроницаемость Пушкина, умение испаряться и возникать внезапно, застёгиваясь на ходу, принимая на себя роль получателя и раздавателя пинков-экспромтов, миссию козла отпущения, всеобщего ходатая и доброхота, всюду сующего нос, неуловимого и вездесущего, универсального человека Никто...»⁴.

Использованный Терцем тактический приём – заход с тыла, с заднего хода, однако, не принёс желаемого результата, ибо любой пушкинист знает, что нечто подобное уже было. Л.Н. Толстой рассказывал,

¹ Там же.

² *Абрам Терц (Андрей Синявский)*. Прогулки с Пушкиным. М.: Глобус; ЭНАС. 2005. С. 7.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 8.

что после установления в Москве памятника Пушкину он получил более десяти писем с вопросом, почему так возвеличили Пушкина? «На днях ещё заходил ко мне из Саратова грамотный мещанин, очевидно, сошедший с ума на этом вопросе и идущий в Москву для того, чтобы обличать духовенство за то, что оно содействовало постановке «монумента» господину Пушкину»¹.

Л.Н. Толстой прекрасно понимает и раскрывает психологию подобных настроений и мнений. «В самом деле, надо только представить себе положение такого человека из народа, когда он по доходящим до него газетам и слухам узнает, что в России духовенство, начальство, все лучшие люди России с торжеством открывают памятник великому человеку, благодетелю, славе России – Пушкину, про которого он до сих пор ничего не слышал. Со всех сторон он читает или слышит об этом и полагает, что если воздаются такие почести человеку, то, вероятно, человек этот сделал что-нибудь необыкновенное, или сильное, или доброе. Он старается узнать, кто был Пушкин, и, узнав, что Пушкин не был богатырь или полководец, но был частный человек и писатель, он делает заключение о том, что Пушкин должен был быть святой человек и учитель добра, и торопится прочесть или услышать его жизнь и сочинения. Но каково же должно быть его недоумение, когда он узнает, что Пушкин был человек больше чем лёгких нравов, что умер он на дуэли, т.е. при покушении на убийство другого человека, что вся заслуга его только в том, что он писал стихи о любви, часто очень неприличные»².

Конечно, за всем этим стоят невежество, необразованность, однако надо заметить, иногда и самые образованные люди не понимают смысла работы поэта и могут объявить его тунеядцем, но ведь А. Синявский высокообразованный литературовед, учёный, хотя очень напоминает того грамотного мещанина, возмущенного открытием «монумента» Пушкину. Этот мещанин из Саратова, по крайней мере, был вполне искренен в своём недовольстве, а наш учёный явно хитрит, лукавит, преследуя цель выделиться, обратить на себя внимание любым способом. Он, конечно, не может не понимать, что сказать нечто более глубокое и значительное, чем то, что уже успели сказать о Пушкине великие русские умы, он не способен. Остаётся другой путь – говорить противоположное высказанному и утвердившемуся.

Сравним мысли двух гениев Н. Гоголя и Ф. Достоевского с тем, что пытаются утверждать А. Терц.

¹ Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 15. М.: Худ. Литература, 1983. С. 187.

² Там же.

Вот широко известное утверждение Н. Гоголя: «При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более назваться национальным; это право решительно принадлежит ему. В нём, как будто в лексиконе, заключилось всё богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал всё его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет»¹.

Что же предлагает Терц-Синявский сверх того, что уже было процитировано?

«Да это же наш Чарли Чаплин, современный эрзац – Петрушка, прифрантившийся и насобачившийся хилить в рифму...»². И ещё: «Как это ни странно выглядит, но если не ездить в Африку, не удаляться в историю, а искать прототипы Пушкину поблизости, в современной ему среде, то лучшей кандидатурой окажется Хлестаков. Человеческое alter ego поэта»³.

Н. Гоголь восхищается мастерством Пушкина, которое, в частности, «заключается в чрезвычайной быстроте описания и в необыкновенном искусстве немногими чертами означить весь предмет»⁴. Он восхищён произведениями Пушкина малых форм: «В мелких своих сочинениях, этой прелестной антологии, Пушкин разносторонен необыкновенно и является ещё обширнее, виднее, нежели в поэмах. Некоторые из этих мелких сочинений так резко ослепительны, что их способен понимать всякий, но зато большая часть из них, и притом самых лучших, кажется обыкновенною для многочисленной толпы»⁵. Гоголь как будто предвидел возможное отрицание художественной ценности этих «мелких» сочинений.

Терц-Синявский уже успел сообщить, что Пушкин научился «хилить» в рифму, и далее он даёт решительную оценку творчеству поэта с ранних его стихов: «На тоненьких эротических ножках вбежал Пушкин в большую поэзию и произвёл переполох. Эротика была ему школой – в первую очередь школой вёрткости...»⁶. «Но кто ещё эдаким дуриком входил в литературу? Он сам не заметил, как стал писателем, сосватан-

¹ Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.: ГИХЛ, 1950. С. 33.

² Абрам Терц (Андрей Синявский). Указ. раб. С. 12.

³ Там же. С. 96.

⁴ Гоголь Н.В. Указ раб. С. 35.

⁵ Там же. С. 37.

⁶ Абрам Терц (Андрей Синявский). Указ. раб. С. 13.

ный дядюшкой под пьяную лавочку»¹. «Пустота – содержание Пушкина. Без неё он был бы не полон, его бы не было, как не бывает огня без воздуха, вдоха без выдоха»². И заканчивается книга А. Терца весьма примечательным заявлением: «Некоторые считают, что с Пушкиным можно жить. Не знаю, не пробовал. Гулять с ним можно»³.

Так ниспровергается оценка Гоголя.

Ф. Достоевский в очерке «Пушкин»⁴ утверждал, что «Пушкин есть пророчество и указание»⁵. Его пророчество проявилось и в том, что он уж в образе Алеко, а затем в Евгении Онегине угадал и «гениально отметил того несчастного скитальца в родной земле, того исторического русского страдальца, столь исторически необходимо явившегося в оторванном от народа обществе нашем»⁶. «Эти русские бездомные скитальцы продолжают и до сих пор свое скитальчество, и ещё долго, кажется, не исчезнут. И если они не ходят уже в наше время в цыганские таборы искать у цыган в их диком своеобразном быте своих мировых идеалов и успокоения на лоне природы от сбивчивой и нелепой жизни нашего русского – интеллигентного общества, то всё равно ударяются в социализм, которого ещё не было при Алеко, ходят с новою верой на другую ниву и работают на ней ревностно, веруя, как и Алеко, что достигнут в своём фантастическом делании целей своих и счастья не только для себя самого, но и всемирного. Ибо русскому скитальцу необходимо именно всемирное счастье, чтоб успокоиться, дешевле он не примирится...»⁷. Вот в какие исторические дали позволил заглянуть Достоевскому Пушкин!

И вот ещё тоже известное, но его необходимо напомнить, мнение Ф. Достоевского о романе «Евгений Онегин»: «Итак, в «Онегине», в этой бессмертной и недостижимой поэме своей, Пушкин явился великим народным писателем, как никогда до него никто. Он разом, самым метким, самым прозорливым образом отметил самую глубь нашей сути, нашего верхнего над народом стоящего общества. Отметив тип русского скитальца, скитальца до наших дней и в наши дни, первый угадав его гениальным чутьём своим, с исторической судьбой его и с огромным

¹ Там же. С. 30.

² Там же. С. 42.

³ Там же. С. 110.

⁴ *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. М.: ГИХЛ, 1958.

⁵ Там же. С. 442.

⁶ Там же. С. 443.

⁷ Там же.

значением его в нашей грядущей судьбе, рядом с ним поставив тип положительный и бесспорной красоты в лице русской женщины...»¹.

Ничего подобного не нашёл в романе Пушкина Терц-Синявский и очень легко и резво опровергает своими рассуждениями всё, что сказал Ф. Достоевский. В том числе о романе «Евгений Онегин»: «Пафос количества в поимённой регистрации мира сближал сочинения Пушкина с адрес-календарём, с телефонной книгой по-нынешнему, подвигнувшей Белинского извлечь из «Евгения Онегина» целую энциклопедию»². «...дотошность по мелочам служила гарниром пушкинским генеральным масштабам. Уж если так разноухано обеденное меню у Онегина, значит, в романе правдиво отобразилась эпоха. Между тем – совсем не значит. Энциклопедичность в романе в значительной мере мнимая. Иллюзия полноты достигается мелочностью разделки лишь некоторых, несущественных подробностей обстановки. Там много столовой посуды, погоды, бальных ножек, и вследствие этого кажется, чего там только нет. На самом же деле в романе внаглую отсутствует главное и речь почти целиком сводится к второстепенным моментам»³.

Приведённых примеров, очевидно, достаточно, чтобы понять общее отношение Терца-Синявского к творчеству Пушкина, выраженное в книге «Прогулки с Пушкиным», понять приёмы, с помощью которых опровергается величие Пушкина. Но в таком случае и имеющиеся дифирамбы в честь великого поэта становятся не только не искренними, но и допускают их противоположное толкование.

Вот пример. «Пушкин – золотое сечение русской литературы. Толкнув её стремительно в будущее, сам он откачнулся назад и скорее выполняет роль вечно цветущего прошлого, к которому она возвращается, с тем чтобы стать моложе. Чуть появится новый талант, он тут как тут, с подсказками и шпиргалками, а следующее поколение, спустя десятилетия, вновь обнаруживает Пушкина у себя за спиной. И если мысленно перенестись в отдалённые времена, к истокам родного слова, он и там окажется сзади – раньше и накануне первых летописей и песен. На его губах играет архаическая улыбка»⁴.

Можно было бы, оговорившись, и принять такое определение места Пушкина в отечественной литературе, если на время забыть оценки, которые были даны Терцем выше. Но ведь эти же оценки могут и даже должны быть адресованы в целом русской литературе всех прошедших

¹ Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 452.

² Абрам Терц (Андрей Синявский). Указ. раб. С. 51.

³ Там же. С. 52.

⁴ Там же. С. 57.

и будущих времён. Таков логический, но ничем фактически не обоснованный вывод из приведённого рассуждения Терца-Синявского.

Конечно, можно сделать и более простой, банальный вывод: Пушкин выразил в своём творчестве всё наиболее существенное, что уже было создано в русской литературе, и поэтому он стал предшественником и зачинателем многих явлений и даже направлений (в том числе можно назвать и постмодернизм), которые развились и ещё возможно разовьются в будущем. С таким же успехом можно и Гомера объявить предшественником авангарда XX в.

И всё-таки книга А. Терца вновь издаётся и получает очень высокую оценку. Теперь к тому, что уже о ней говорилось, прибавилось совершенное автором открытие, ранее не замеченное, – А.Терц обнаружил, что Пушкин зачинатель постмодернизма (хотя сам термин в книге не упоминается). Чем же подтверждается это открытие?

Обратимся к уже цитировавшейся статье литературоведа П. Спиваковского. Приведем несколько выдержек из этой статьи.

«Что же обнаруживает (и прославляет) в Пушкине Синявский-Терц? Прежде всего релятивистское отношение к окружающему миру: «...откуда смотрит Пушкин? Сразу с обеих сторон, из ихнего и из нашего лагеря? Или, быть может, сверху, сбоку, откуда-то с третьей точки, равно удалённой от «них» и от «нас»? Во всяком случае он подыгрывает и нашим и вашим с таким аппетитом...». «Похожий на Хлестакова Пушкин и становится для Синявского-Терца зримым воплощением релятивистского идеала художника... Более того, Пушкин – это «вурдалак»: «В столь повышенной восприимчивости таилось что-то вампирическое». «Релятивизм для Синявского – это, с его точки зрения, очень хороший и красивый выход из чрезвычайно трудной ситуации тоталитарной несвободы». «Именно в релятивизме Синявский и его либеральные писатели-современники, такие как Вен. Ерофеев, И.С. Холин, В.П. Аксёнов, увидели подлинное, как им казалось, спасение от всевластного советского тоталитарного монолога... Как справедливо отметил Александр Генис, «обогнав чуть ли не на поколение современные ему художественные течения, Синявский постулировал основы новой эстетики».

Вот основные доводы для подтверждения положения о том, что Терц-Синявский нашёл Пушкина-постмодерниста. Не ставя цели сколько-либо полно охарактеризовать постмодернизм, всё-таки следует заметить, что релятивизм вовсе не является его единственным и существенным признаком. В сложное явление постмодернизма, проявляющееся в самых различных областях человеческой интеллектуальной деятель-

ности, включаются идеи иронизма, деконструкции, языка бессознательного и др.

Вот и Спиваковский, как бы спохватываясь, называет ещё некоторые идеи постмодернизма, называет ключевые имена, к примеру Деррида. Как же обойтись без этого имени, говоря о постмодернизме! Вот, что пишет Спиваковский: «Показательны в этом плане слова видного постмодернистского теоретика Жака Деррида, который в своей книге «О грамматологии» (1967) подчёркивает: «...рациональность, которая управляет письмом в его расширенном и углублённом понимании, уже не исходит из логоса; она начинает работу деструкции (destruction), развал, подрыв, де-конструкцию (de – construction) всех тех значений, источником которых был логос. В особенности это касается значения истины». Это «логоцентрическое» представление о том, что истина вообще существует, есть по мысли Деррида, пережиток Средневековья, от которого прогрессивным, леволлиберальным и постмодернистски мыслящим интеллектуалам следует держаться как можно дальше: истины нет и никогда не было, а есть только мнения, мнения, мнения...

Похожим образом мыслит и Андрей Синявский. В сущности книга «Прогулки с Пушкиным» не о поэте XIX в., а о принципиально новом типе писателя-постмодерниста, находящегося по ту сторону добра, зла, истины, чести, нравственности, весело и беззаботно попирающего все эти отброшенные им идеалы» («Новый мир»).

Терц-Синявский объясняет истоки взглядов Пушкина: «Блестящее и поверхностное царскоесельское образование, широкий круг знакомств и человеческих интересов помогли ему составить универсальный указатель (это по поводу романа «Евгений Онегин». – Э.Б.), включающий всё, что Пушкин видал или читал. Тому же немало содействовали отсутствие строгой системы, ясного мировоззрения, умственной дисциплины, всеядность и безответственность автора в отношении бытовавших в то время фундаментальных доктрин»¹.

После фундаментальных трудов отечественных пушкинистов, подробно исследовавших все стороны творчества и жизни великого поэта, его мировоззрения, доказавших, что Пушкин был одним из самых просвещённых людей своего времени, опровергать заявления Терца-Синявского кажется излишним и даже в некоторой степени не этичным по отношению к замечательным учёным.

¹ Абрам Терц (Андрей Синявский). Указ. раб. С. 51.

Таким же образом оказывается Пушкин оклеветанным, когда его причисляют к релятивистам, к отрицающим логос и саму возможность поисков истины, ставя его «по ту сторону добра, зла, истины, чести».

Однако есть сама жизнь и творчество Пушкина, которые обнаруживают совершенно противоположное.

Кому неизвестно, как сам поэт определял смысл и итог своего творчества? «И долго буду тем любезен я народу, / Что чувства добрые я лирой пробуждал, / Что в мой жестокий век восславил я свободу / И милость к падшим призывал».

Конечно, будучи великим поэтом, Пушкин мог выразить самые разнообразные мысли и чувства своих героев, но как-то неловко объяснять литературоведу, что лирический герой произведения поэта вовсе не совпадает полностью с самим автором. Это по поводу пушкинского релятивизма и отрицания им истины.

Между тем именно стремление к истине Пушкин и оценивал в качестве важнейшего признака высокой художественности. «Истина страстей, правдоподобие чувствований в предлагаемых обстоятельствах – вот чего требует наш ум от драматического писателя», – пишет он в статье «О народной драме и драме «Марфа Посадница»¹. «Точность и краткость – вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей – без них блестящее выражение ни к чему не служат»².

Можно было бы и далее цитировать Пушкина, но ведь это всё хорошо известно любому пушкинисту, известно и Терцу-Синявскому, значит, он просто сознательно противоречит и Пушкину, и тем гениям, чьи мысли здесь приводились ради, очевидно, сомнительной сенсации. В то же время его книга доказала, что всякое обращение к Пушкину неизбежно выходит за пределы литературоведения и вторгается в пределы широких проблем отечественной культуры, что необходимо становится предметом анализа не только литераторов, но и философов и культурологов.

Здесь приводились два предложения, которыми А. Терц заканчивал свою книгу, о возможности жизни с Пушкиным. Если отбросить их циничную двусмысленность, весьма характерную для всего текста, то можно вести речь о духовной жизни: возможна ли отечественная духовная жизнь без Пушкина?

¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М., 1960. Т. X. С. 211.

² Там же. С. 16.

Однажды писатель, не избежавший диссидентского периода в своей жизни, В. Максимов, редактировавший журнал «Континент», заметил: «...экономика напрямую зависит от Пушкина. Я, разумеется, имел в виду Пушкина как персонификацию национальной культуры. Культура воспитывает в человеке понятия о Добре и Зле, задаёт ему этические и эстетические критерии. Человек, лишённый этих понятий и этих критериев, – плохой работник и никакой здоровой экономики создать не способен. Человек вне иерархии ценностей лишь социальное животное»¹.

Такая позиция вполне соответствует объективной оценке пушкинского наследия.

Терц-Синявский считает, что Пушкин всегда оказывается за спиной всё новых и новых поколений литераторов. Это можно понять так, что все русские поэты исходят из Пушкина, из достигнутого им. Можно было бы и согласиться с таким толкованием, если бы ещё чаще Пушкин не оказывался впереди. Вот и в отношении к постмодернизму Пушкин давно впереди, он давно преодолел эти идеи, настроения, мировоззрение, в то время как постмодернизм только приступает к этим возрождающимся процессам.

¹ *Литературная* газета. 1992. 5 авг.